

© 1998 г.

В.А. МАНСУРОВ, Л.А. СЕМЕНОВА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КОНВЕРСИРУЕМЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

МАНСУРОВ Валерий Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора Института социологии РАН. СЕМЕНОВА Людмила Андреевна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН.

Термин "*интеллигенция*" можно охарактеризовать как довольно устойчивый в быденном сознании и обиходном употреблении, хотя споры об определении понятия "интеллигенция" не утихают многие годы. Польские коллеги, например, насчитали их более трехсот. Поэтому, чтобы понять, о ком пойдет речь в этой статье, попытаемся определить какое содержание мы вкладываем в это понятие.

Все многообразие подходов к определению интеллигенции можно, пожалуй, свести к двум - *культурологическому и социологическому*. Один ставит на первое место **неформальные, идейно-нравственные признаки**. Другой, игнорируя эти признаки, выдвигает на первый план критерии **формальные, прежде всего социально-экономические** [1, с. 71-87].

Некоторые исследователи кладут в основу определения интеллигенции характер труда - умственный. Однако его нельзя признать корректным, ибо научно-технический прогресс настолько увеличил разброс видов умственного труда - от уникально-творческого до рутинно-подсобного (учетчицы без специального образования), что у социологов, имеющих

дело с вычлениением определенных социальных групп и точным количественным анализом, возникла необходимость конкретизировать определение интеллигенции, указав на ее особое место в структуре работников, обслуживающих духовную жизнь общества [2].

В середине 50-х гг. Я. Щепаньский предложил социологическую модель, в соответствии с которой к собственно интеллигенции следовало бы отнести всех специалистов с высшим и средним специальным образованием (критерий образовательного ценза), вкладывающих в свой труд индивидуальные творческие и интеллектуальные усилия (критерий творчества). Данная совокупность дальше классифицируется по типу выполняемых в обществе функций (место в общественном разделении труда), в связи с чем выделились *"творцы культуры"* (научные работники, литераторы, актеры, художники, музыканты, архитекторы и т.д.); *"организаторы социальной и экономической жизни"* (инженеры, техники, работники гостиниц, функционеры госадминистрации); *"эксперты"* (терапевты, стоматологи, фармацевты, учителя, духовенство, сельхозспециалисты, работники издательств). Неполнота профессионального перечня, подвижность границ между группами здесь очевидна. Предложенная рабочая модель была подвергнута критике, однако попытки польских коллег заменить при изучении данной социальной группы понятие интеллигенция *"работниками умственного труда"* или *"специалистами"* не увенчались успехом, ибо использование понятия "работник умственного труда" в условиях интеллектуализации многих видов физической работы, затрудняло идентификацию многих промежуточных пограничных профессий. Определение же "специалист" позволяло подключать к данной категории и тех, кто достиг уровня необходимой компетентности путем традиционного профессионального обучения, и тех, кто добивался этого долголетним опытом, склонностью к изобретательству, рационализаторству и т.п. После длительной полемики социологи вернули в обиход исходный термин *"интеллигенция"*, как адекватно обозначающий данную социальную общность, мобильность которой связана с любыми преобразованиями социальной структуры общества.

Если отталкиваться от культурологического подхода (в основе которого лежит понятие *"интеллигентности"*, *"интеллектуальности"*), то ситуация становится еще запутаннее, так как операционально, на эмпирическом уровне невозможно выделить эту социальную группу.

Очевидно, что в основе подобного подхода лежат прежде всего неформальные, идейно-этические признаки [3]. Кроме того, интеллектуалы - "товар штучный", и изучать их можно и нужно качественными методами, методы же точного количественного анализа здесь неуместны.

А. Севастьянов [4] выделяет внутри интеллигенции *три основных группы* или *слоя*. К первой, самой многочисленной группе относятся специалисты массовых профессий - врачи, учителя, инженеры, юристы, офицеры, священники, некоторая часть творческой интеллигенции. Интеллигенция второй группы - историки, философы, социологи, литературоведы, некоторая часть писателей, художников - обеспечивает потребности самой интеллигенции. Наконец, интеллигенция третьей группы - это фактически интеллектуальная элита, генераторы идей, определяющих деятельность всей интеллигенции в целом. В социологических исследованиях, на данные которых мы будем ссылаться ниже, речь идет прежде всего о первом, самом массовом круге интеллигенции, представителей которой в социологических анкетах, как правило, называют инженерно-техническими работниками, служащими-специалистами, специалистами с дипломом, управляющими и т.п. Но для нас основным критерием является критерий образовательного ценза, а именно обладание высшим образованием. По этому признаку мы и выделяем группу интеллигенции или специалистов с высшим образованием, и все количественные характеристики, изложенные ниже, будут касаться лиц с высшим образованием, независимо от сферы занятости, должности, обладания властью, уровня доходов и т.п. Такой подход, несмотря на его ограниченность и уязвимость для критики (в чем мы отдаем себе отчет), дает *возможность количественного анализа процессов* (при этом мы не исключаем возможность использования качественных, "мягких" методов), происходящих как внутри этой социальной группы, так и тенденций изменения самой интеллигенции в условиях трансформирующейся социально-политической системы в России.

В тридцатилетней истории исследований Института социологии можно обнаружить почти все подходы к проблемам интеллигенции. На наш взгляд, необходимо отметить многолетние исследования проблем интеллигенции коллективом под руководством В.Ф. Сбытова, результаты которых были опубликованы в монографии "Социальное развитие советской интеллигенции" [5]. В этой работе нам прежде всего важен взгляд на интелли-

генцию как на сложную структуру, состоящую из различных социально-профессиональных групп.

Мы уже отмечали структурную "слоистость" интеллигенции, наличие в ней разнообразных групп и слоев. Тем не менее можно выделить ряд *общих*, *"родовых"*, *исторически неизменных признаков интеллигенции* (см. об этом подробнее 4). К ним относится идейно-этическая *неоднородность*, проявляющаяся в различии духовного мира, материального и социального положения, разных приоритетах и т.д. А поскольку интеллигенция - самый идеологизированный слой общества, то противоречия внутри нее достигают особой остроты. Отсюда второй родовой признак - *внутригрупповой антагонизм*, который является следствием первого. Третья особенность интеллигенции - *индивидуализм*, поскольку, несмотря на поточный метод обучения в коллективе, процесс созревания интеллигента индивидуален, так как знания, навыки и др. не столько ему даются, сколько берутся, творчески и индивидуально. Наконец, четвертая особенность (следствие предыдущей) - *обостренная любовь к свободе, тяга к независимости*.

Интеллигенция формируется не стихийно, этот процесс имеет свои закономерности. По мере становления новой системы с ее особым политико-экономическим и социокультурным укладом пришедшие к власти сословия или классы создают свою интеллигенцию, которая вскоре претендует на роль общественного и культурного лидера. Еще Антонио Грамши, сравнивая опыт русской революции с европейской историей, отмечал в 1930 г., что всякая социальная группа, зарождающаяся на почве производства, создает себе один или несколько слоев интеллигенции, "которые придают этой группе однородность и сознание ее собственной специфической роли" как в экономике, так и в социально-политической области. "Организаторами новой культуры" называет А. Грамши эту новую интеллигенцию, которая выводит вслед за собой на общественную арену новый социальный класс [6]. Осознает это выходящий на историческую арену класс (слой) или нет, но поступает так потому, что без освоения сферы культуры, без освоения в этой сфере определенного пространства он не в состоянии осознать ни самого себя в качестве субъекта в историческом процессе, своей роли в нем, ни убедить общество в правомерности и необходимости исполнения указанной роли.

Особенность исследований в период социально-экономических преобразований состоит в том, что они проводятся в условиях динамичного и нестабильного общества, которое всегда является более проблематичным объектом исследования, нежели стабильное и статичное. Мы живем во времена реформации, которая еще не принадлежит истории. Формирующиеся социальные структуры, группы, институты и т.п. еще аморфны и неполны, и нет пока теорий, адекватно объясняющих происходящие процессы.

В ходе радикальных преобразований социальные структуры не ждут, когда их выявит и изучит исследователь - они находятся в движении, в процессе формирования. Социальный порядок формируется как "коллективный" результат индивидуальных выборов (стратегий) и действий; реструктуризация общества может рассматриваться как взаимодействие предыдущих устоявшихся результатов и новых выборов и действий, сделанных индивидуумами. Поэтому в ситуации динамично изменяющегося общества социальные процессы логично начать исследовать с изучения действующего индивида (актера), а не с социальных структур. Такой подход фокусирует внимание на повседневной жизни людей, дабы увидеть основные пути и стратегии, которые выбирают люди, чтобы справиться с трудностями, связанными с переменами в их жизни. Поэтому на первом этапе исследования, проводимого в нестабильном, трансформирующемся обществе, анализируются выбор и действия, которые предпринимают индивиды. На втором этапе изучается структурный уровень индивидуального выбора и действий, то есть их результат. При сравнении выбора и стратегий различных индивидов становятся видимыми основные результаты нового социального устройства, то есть результирующие (или "коллективные") последствия социальных действий.

Изложенные методологические посылки диктуют и необходимость использования соответствующих методов исследования. Использование только статистических исследовательских техник (количественных методов) недостаточно в ситуации, когда нет теории исследуемого объекта. И если цель эмпирического исследования - создание новой теории, рассматривающей социальные последствия преобразований, а не проверка уже существующих теорий, то в этом случае уместно использовать, наряду с количественными, качественные методы (например, *casestudy*, фокус-группы, биографический метод и т.п.), которые позволяют ближе подойти к жизненному миру людей, понять мотивы их выборов, поступков, в конечном счете, жизненных стратегий.

С начала рыночных преобразований наблюдается массовое высвобождение специалистов с инженерных должностей, в том числе на высокотехнологичных конверсируемых предприятиях военно-промышленного комплекса. К 1994 г. оборонный комплекс России лишился 800 тыс. персонала. За три года (1992-1994) с ракетно-космических заводов ушли 115 тыс. инженерно-технических работников и 90 тыс. рабочих — лучшие, опытнейшие кадры. Например, один из крупнейших оборонных заводов г. Кирова с начала конверсии (1992-1996) потерял 10 249 ИТР, в том числе 3 304 руководителя. В 1992-1994 гг. на завод не было принято ни одного человека, в 1995-1996 гг. приняли на работу 55 человек.

В бывшем СССР инженеры были самой многочисленной группой специалистов с высшим образованием, значительную долю среди них составляли работники военно-промышленного комплекса. Еще совсем недавно оборонный комплекс России был почти синонимом отечественной экономики, включая в себя около 70% российского промышленного потенциала. Непосредственно в ВПК (не считая армии) было занято 12 млн. научных, технических, управленческих, рабочих кадров, а с членами семей - 30 млн. Особенности функционирования предприятий в советский период (закрытость, опека со стороны государства, социальные, экономические привилегии и т.п.) свели к минимуму вариативность поведения работников оборонного комплекса, снизили гибкость реагирования на меняющиеся обстоятельства в социальной среде. Теперь в условиях рыночных преобразований и конверсии оборонных предприятий они с большим трудом вписываются в рыночную экономику, не готовы поменять свой социально-профессиональный статус и специальность (профессию). Вследствие конверсионных процессов интеллектуально-профессиональная элита промышленности, высококвалифицированные, высокопрофессиональные специалисты оказались профессионально невостребованными, с минимальными средствами к существованию.

Ниже представлены результаты исследования, проведенного в 1996 г. на одном из крупнейших оборонных объединений г. Кирова (рук.д. филос. н. В.А. Мансуров, при финансовой поддержке РГНФ, грант 93-03-04671). Изучались разные группы ИТР завода, выбравшие разные стратегии поведения: первая группа ($N = 193$) - ИТР, оставшиеся на заводе после начала конверсии, вторая группа ($N = 184$) - ИТР, уволившиеся (или уволенные) с него. Там, где это возможно названные группы ИТР будут сравниваться с группой, представляющей третью стратегию поведения, - безработных ИТР-оборонщиков ($N = 124$), опрошенных в то же время в службах занятости в шести городах России (рук. д. филос. н. В.С. Боровик).

С точки зрения социально-демографических характеристик группа N1 (оставшиеся на заводе) и группа N2 (ушедшие с него) очень похожи: в первой группе мужчин 56,3%, во второй - 50,8%. Чуть больше половины опрошенных заводчан - это люди старше 40 лет (в 1-ой группе 56,3%, во второй - 51,7%), большинство имеет высшее и незаконченное высшее образование (в первой группе - 59,1%, во второй - 64,3%), причем подавляющее большинство (80-84%) окончили вузы в г. Кирове. Половина опрошенных заводчан - уроженцы г. Кирова (в первой группе - 49,2%, во второй - 56,8%), однако многие из них - горожане в первом поколении, поскольку у 55-60% опрошенных родители родились и выросли в сельской местности, у 16-17% - в поселках городского типа и только у каждого четвертого (во второй группе) и пятого (в первой группе) родители горожане.

Массы ИТР-безработных (группа N3) немного отличается от заводчан. В нем преобладают женщины (67,7%), высшее (незаконченное высшее) образование у 57%, они моложе - респондентов старше 40 лет 36,3%, половина респондентов (51,3%) проработали в оборонной промышленности более 15 лет. Таким образом, безработные ИТР-оборонщики - это в основном женщины средних лет, как правило, с высшим (или средним специальным) образованием, с большим трудовым стажем (следовательно, с опытом и хорошими профессиональными навыками), половина из них инженеры.

Межпоколенный анализ биографий семей инженеров ВПК позволяет говорить о том, что наблюдаются существенные различия в стратегиях адаптации инженеров - коренных горожан и инженеров - горожан в первом поколении (выходцы из села - "селяне"). У последних заметна межпоколенная трансляция низкого уровня ожиданий, поэтому адаптация после увольнения и период перед увольнением протекает по-другому, нежели у "горожан". Инженеры-селяне держатся за рабочее место на заводе что называется "до последнего" (несмотря на мизерную зарплату, задержки с выплатой и т.п.), соглашаясь на низкооплачиваемую работу, которая их давно не устраивает, и они это осознают. Однако люди боятся потерять (вследствие ухода с завода) тот минимальный стандарт (статусный, материальный, профессиональный), который они имеют, демонстрируя при этом боязнь пере-

мен, психологическую неготовность изменить, организовать по-новому свою жизнь, что, возможно, является следствием их маргинального положения как горожан в первом поколении. Если этот тип адаптации можно назвать *пассивным*, то инженеры-горожане (во втором, третьем поколениях) демонстрируют *активную адаптацию*. Не ожидая, как правило, увольнения / сокращения, они уходят с завода сами, пытаясь более активно искать выход из сложившейся тяжелой психологической и материальной ситуации, возникшей в связи с конверсией завода.

В обоих случаях можно говорить о неудовлетворенности своим положением, и прежде всего *невостребованностью прошлого опыта*. Важно отметить, что различия в структуре мотиваций членов выделенных групп кроются в ценностях, установках, поведенческих моделях, которые не столько рефлексируются индивидом, сколько транслируются семьей (культурный пласт семьи). Из проанализированных биографий следует, что более богатый социальный опыт общения в разных культурных средах способствует более быстрой и безболезненной адаптации в условиях сегодняшних социально-экономических реалий.

Профессиональная мобильность связана со статусом индивида в обществе, который является одним из определяющих социальных параметров, зависящих от трудовой деятельности. К примеру, временное высвобождение человека от работы лишает его не только трудового, но и социального статуса. Люди с высшим образованием очень болезненно относятся к изменению статуса при перемене работы, а безработных-оборонщиков (с высшим образованием) вообще можно отнести к так называемым *неконкурирующим группам безработных*, т.е. тех, кто хочет работать только по своей профессии. В нашем исследовании почти половина ушедших с завода (45,7%) не изменили свой социально-профессиональный статус, 14,5% изменили профессию, но сохранили социальный статус. В то же время 23,7% пошли на изменение и профессии, и социального статуса.

Для большинства заводчан решение покинуть завод явилось вынужденным, а не добровольным. То же самое можно сказать о безработных, которые ушли с последнего места работы не по собственному желанию, а в силу сложившихся обстоятельств ("политика руководства предприятия была направлена на сокращение работников" - 33,9%; "предприятие осталось без заказов" — 31,5%; "низкий заработок" - 15%; "из-за конверсии многие специалисты оказались не нужны" - 10,5%). ИТР, оставшиеся на заводе, придерживаются, по сравнению с инженерами из двух других групп, более консервативной позиции, они решили не менять место работы (отчасти из-за боязни не найти работу), однако при этом не уверены, что приняли правильное решение.

Респондентов всех выделенных в исследовании трех групп объединяет озабоченность одними и теми же проблемами, наиболее важными из которых оказываются прежде всего ухудшение материального положения, неуверенность в судьбе собственных детей, резкое ухудшение здоровья, отсутствие перспектив на работе и угроза потерять работу (для работающих). Дореформенную, доконверсионную жизнь оценивают значительно выше, чем нынешнюю, по всем показателям, перечисленным в анкете: материальное положение, возможность реализовать себя, получить новую профессию, образование, повысить квалификацию, лечиться, отдыхать. Единственное исключение - возможность открыто высказывать свои мысли, не боясь последствий, - оценивается значительно выше, чем в прежние времена (в 2-3 раза в зависимости от группы).

Известно, что материально-имущественные и социальные условия у ИТР стали значительно хуже, чем были у них же несколько лет назад. Интересно отметить, что свою нынешнюю жизнь они сравнивают не с нынешней жизнью других социальных групп, а с собственной жизнью в былые времена, какой ее помнят (и ощущают как норму) сам индивид, его семья и близкие. То есть в оценках присутствует довольно выраженная ориентация не на настоящее и будущее, а скорее обращенность в прошлое.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство ИТР ВПК живут у черты бедности и составляют **малодоходные** группы респондентов (86,7% - оставшиеся на заводе, 66,1% - ушедшие с завода, 87,7% - безработные). Они живут от зарплаты до зарплаты, используя ее только на обеспечение необходимого прожиточного минимума. **Высокодоходных** граждан среди ИТР немного (3,2%; 13,6%; 3,6%), они могут позволить себе покупку большинства товаров длительного пользования, а некоторые (их совсем мало - 0,5%-2,7%) ни в чем себе не отказывают. Между малодоходными и высокодоходными располагаются **среднедоходные** респонденты (10,1%; 20,2%; 9,2%). Очевидно, что для всех трех групп (как и для населения России в целом) характерен один и тот же тип имущественного расслоения: более двух третей бедных, маленькая группа богатых и между

ними небольшая прослойка россиян со средними доходами. Такая картина социально имущественного расслоения не соответствует ни декларациям о появлении в стране "среднего класса", ни ожиданиям, связанным с рыночной экономикой [см. подробнее - 11, 12]. Несмотря на разнообразие источников доходов (помимо зарплаты респонденты называли пенсии, пособия на детей, помощь родственников, дополнительные заработки, как связанные, так и не связанные с профессиональной деятельностью и др.), материальное положение ИТР достаточно тяжелое. Налицо "бедность сильных" или производственно-трудовая, экономическая бедность, когда полноценные, образованные и квалифицированные работники попадают в ситуацию, в которой не могут собственным трудом обеспечить достаточный уровень благосостояния себе и своей семье. В отличие от этого "бедность слабых" или социальная бедность - это бедность нетрудоспособных людей, инвалидов, многодетных и т.п. людей, обусловленная социально-демографическими обстоятельствами [13].

Сравнение двух групп ИТР конверсионных предприятий - оставшихся на заводе и ушедших с него в связи с конверсией, то есть выравнивших разные стратегии поведения в рыночных условиях, позволяет говорить о том, что вторая группа не намного, но все-таки легче адаптируется к новым условиям. У них лучше материальное положение, чем у тех, кто остался на заводе, они выше оценивают значимость в целом рыночных реформ и собственную выгоду от них, свою психологическую готовность к рынку, хотя в целом субъективная оценка этой готовности (как на вербальном, так и на поведенческом уровне) у опрошенных невысока. Оставшиеся работать на заводе инженеры по своим настроениям, намерениям, предпринимательскому потенциалу, материальному положению, отношению к рыночным реформам, в целом по социальному самочувствию больше похожи на безработных. Жизненная позиция инженеров, ушедших с завода, более рациональна, их стратегия скорее наступательная, чем оборонительная. ИТР двух других групп занимают скорее оборонительную позицию, полагаясь больше на случай, удачу ("может быть, все само собой как-то устроится", "наступят лучшие времена, подождем" и т.п.), они не спешат "вписываться" в рыночные отношения.

По готовности "вписаться" в рыночные отношения и предпринятым реальным шагам среди респондентов можно выделить четыре группы. *Активные рыночники* - это те кто психологически к рынку готов, начал менять свой жизненный уклад, уже "вписался" в рыночные отношения. Таких немного. Работавшие: 1-ая группа (оставшиеся на заводе) - 2,1%; 2-ая группа (ушедшие с завода) - 11,4%, безработные: 3-я группа - 3,2%. *Потенциальные рыночники* психологически к рынку готовы, но пока еще не начали строить жизнь по рыночным законам: 1-ая группа - 31,6%, 2-ая группа - 27,2%, 3-я группа - 29,8%. *Вынужденные рыночники* - те, кто внутренне к рынку не готов, но вынужден менять свой жизненный уклад, чтобы как-то выжить в новых условиях. Это самая многочисленная группа: 1-ая группа - 31,6%, 2-ая группа - 34,2%, 3-я группа - 36,3%. "*Консерваторы*" - те, кто не готов к рынку психологически и никаких шагов не предпринимает, чтобы изменить что-то в своей жизни: 1-ая группа - 19,5%, 2-ая группа - 15,2%, 3-я группа - 20,2%. (Загруднились определить свою позицию 19% безработных).

Очевидно, что среди исследуемого контингента активных рыночников немного, хотя их число во 2-ой группе (ушедшие из оборонки) в 5 раз превышает число активных рыночников в 1-ой группе (оставшиеся на заводе) и почти в 4 раза больше, чем среди безработных инженеров (3-я группа). Самый многочисленным оказался тип вынужденных рыночников.

Логично было бы предположить, что безработные инженеры - люди, попавшие в сложную жизненную ситуацию, будут вести себя более активно с целью решения своих проблем. Однако здесь работают, вероятно, другие механизмы. В частности нельзя не задать вопрос: насколько желательны человеку происходящие с ним перемены, в какой мере он их контролирует? Одно дело, когда трудности возникают вследствие добровольного (свободного) решения, принятого самим индивидом. Совсем иное дело, когда перемены в жизни человека инициируются другими людьми и могут не отвечать (или отвечать лишь частично) его интересам и потребностям. В первом случае мы имеем дело с добровольной адаптацией к изменившимся условиям, во втором - с вынужденной адаптацией [14,15]. Большинство опрошенных инженеров (как, впрочем, и большинство россиян) оказались во второй ситуации, когда противясь новому, но опираясь на прошлый жизненный опыт, социальное положение, возможности и пр., человек вынужденно подчиняется, не пытаясь что-либо изменить. Даже если он использует новые "правила игры", новые способы социального действия, предлагаемые рыночными отношениями, он вынужден использовать их ценой огромных усилий ради выживания. Поэтому готовность к рынку на вербальном

уровне не значит готовности на поведенческом, так как "даже привлекательные стороны рынка, с которыми связывается расширение свободы выбора в той или иной сфере жизнедеятельности, во многом вербальны и нестабильны, ибо не принимается во внимание необходимость изменения привычных моделей социального действия для достижения целей" (подчеркнуто нами - авт.) [16], на что ИТР-оборонщики идут с большим трудом. К примеру, 45% работающих на заводе на вопрос: "Какие меры Вы предприняли в последнее время, чтобы улучшить свою жизненную ситуацию?" ответили: "Ничего не предпринимал, хотя нужно было это делать", среди ушедших с завода занимающих такую пассивную позицию почти втрое меньше - 16,7%. Этим во многом объясняется нежелание и неумение опрошенных менять свой социально-профессиональный статус, открывать "свое дело", "крутиться", более активно вписываться в рыночные отношения.

В то же время необходимо отметить различие жизненных стратегий у мужчин и женщин ИТР ВПК. Патриархальная ценностная система, согласно которой удел женщин - дом-семья-ребенок, довольно широко распространена в обществе (особенно в провинции) и транслируется семьей. Следствием этого является бытующее представление, что женщины в профессиональном плане - неперспективные члены общества. Характерно, что сами женщины-инженеры говорят об этом как о чем-то само собой разумеющемся, не пытаются критически осмыслить ситуацию, принимая данное положение *de facto*, и исходя из него моделируют свое настоящее и будущее. Государство посредством своих институтов способствует укреплению и воспроизводству данной ценностной модели и сохранению дискриминационной по отношению к женщинам идеологии (например, женщин увольняют в первую очередь и трудоустраивают в последнюю, среди безработных, регистрируемых в службах занятости, большинство - до 70% - женщины). В то же время женщины демонстрируют большую, чем мужчины психологическую гибкость: они активнее ищут работу, больше ориентированы на переобучение с целью получения новой профессии, больше занимаются домашним трудом, в том числе на приусадебном участке, при необходимости идут торговать на рынке, что для мужчин практически неприемлемо (речь идет об инженерах ВПК), поскольку они в основном ориентированы на сохранение профессионального статуса. Все это позволяет сделать вывод о том, что в ценностной системе, стратегиях адаптации образовательные различия играют меньшую роль, чем различия по полу: для женщин, как имеющих высшее образование, так и не имеющих его, большее значение имеет установка на ценности семьи.

Особую роль в процессе адаптации к новым условиям играют *ценности социальных связей*. Ушедшие с завода ИТР, имевшие высокий социальный статус, адаптируются успешно, несмотря на критический возраст, не очень хорошее образование и не всегда востребованную квалификацию. В данном случае срабатывает система социальных связей, а индивидуальные качества личности - образование, культурный уровень, профессиональное мастерство и т.п. не играют решающей роли в благополучном трудоустройстве человека.

Значение для социальной адаптации в рыночных условиях "наработанных" социальных связей (при не очень высоких личностных качествах) свидетельствует о том, что в российском обществе по-прежнему существуют и функционируют определенные, не связанные с объективными характеристиками социальные "перегородки", в рамках которых формируются статусные позиции. Этот вывод, сделанный на основе нашего анализа трехпоколенных историй семей инженеров, совпадает с точкой зрения И.В. Мостовой, по мнению которой социальные позиции в России, в отличие от Запада, всегда закреплялись преимущественно не отчужденными формами функционально-ролевых отношений, а межперсональными связями. Социальные общности, маргинализуясь, не распадаются на социальные "атомы", а ломаются на структурированные группы-осколки и срстаются по швам "связей" в новые [17]. Подобный тип социального расслоения характерен, на наш взгляд, скорее для сословного, а не классового общества.

Предпринимательский потенциал у исследуемых групп инженеров невелик. На вербальном уровне каждый третий (независимо от группы) выразил желание работать самостоятельно, открыть "свое дело", однако уверенность в осуществимости этого выразили не более 15% из них.

По оценке ИТР, существует много причин, препятствующих их более активному "вхождению" в рынок, в рыночные отношения в качестве субъекта. Это прежде всего причины *социального* порядка, обусловленные социально-экономической ситуацией в стране в целом, к которым относятся криминальная обстановка вокруг бизнеса, предпринимательства - 43%, политическая и экономическая нестабильность в стране - 38-44%, отсутствие

необходимых социальных гарантий со стороны государства - 34-36%. Вторая группа причин (*социальные*) связана с объективными факторами менее глобального характера: нет средств и сбережений для организации своего дела - 49-56%, отсутствуют нужное образование и связи в деловом мире - 27-31%. Третья группа причин касается *личностных* (социально-психологических) характеристик респондентов: отсутствие деловой хватки, предприимчивости (35-39%), воспитание по принципу "не деньги главное в жизни" (28-30%), отсутствие уверенности в собственных силах, удачи (20-21%).

Как показывают данные нашего исследования, инженеры вряд ли смогут активно популять ряды предпринимателей и прочих новых экономических категорий населения, вызванных к жизни рыночной экономикой. Помимо ограниченных возможностей, у большинства из них нет особого желания менять профессию, специальность, то есть свой социально-профессиональный статус. Об этом красноречиво свидетельствуют ответы безработных о мотивах отказа пройти профессиональную переподготовку. Отмечается прежде всего нежелание менять профессию, специальность ("я ими очень дорожу", "не тот возраст"), необходимость кормить семью, т.е. подрабатывать, а не учиться, уже владение смежными специальностями, каждый десятый дал ответ типа "смешно учиться на парикмахера инженеру с высшим образованием", "я специалист высокой квалификации" и т.п.

Человек пойдет переучиваться, приобретать новую профессию только в том случае, если новая работа не понизит его социально-профессиональный статус. Для ИТР ВПК, большинство которых имеют высшее образование и высокий уровень квалификации, получение новой профессии связано с понижением статуса, ибо это будет скорее всего рабочая профессия, поскольку трудоустроиться сейчас по инженерно-технической специальности очень сложно. Человек же, имеющий высокий социально-профессиональный статус, заработанный упорным трудом, как правило, психологически не готов понизить его, изменить свою идентичность, а если идет на это, то с большими психологическими издержками. Здесь, кроме прочего, срабатывает феномен профессиональной приверженности личности, когда профессия как бы "приручает" человека, привнося в его личностную структуру новые свойства и качества, которые затрудняют осуществление альтернативных выборов.

Вместе с тем необходимо отметить, что изучение социальных процессов, имеющих место в кризисном российском обществе, позволяет говорить о намечающемся процессе стирания границ между высококвалифицированными образованными рабочими и специалистами с высшим образованием, не связанными с властью. Этому способствует прогрессирующая тенденция к росту несоответствия между образовательным уровнем и уровнем оплаты труда, имущественная деградация интеллигенции.

В ситуации рыночной реформации, когда увольняются (или увольняют) опытные квалифицированные кадры, а молодежь на предприятия не идет, теряется профессиональная преемственность, разрушаются или умирают научные школы в конструкторских и научно-производственных объединениях. Если сейчас некому учить (нет притока молодых), то скоро некому будет учить, передавать знания, навыки, традиции, ибо высококвалифицированные кадры покидают конверсируемые (и не только) предприятия. Беседы с руководителями оборонных предприятий подтверждают, что с предприятий увольняются в первую очередь высококвалифицированные перспективные молодые работники. По мнению многих руководителей (43%), уже не стоит прилагать особых усилий для сохранения квалификационного потенциала предприятия, поскольку развал промышленности, особенно оборонной, привел к утрате наиболее квалифицированных кадров, и сохранение того, что осталось, сегодня не актуально [18]. Названные тенденции чреватые тем, что консервируется и усугубляется научно-техническая и технологическая отсталость производства (и страны в целом).

Переход к рыночным отношениям предполагает снижение роли внешних регуляторов и внешней заданности в самореализации личности, социально-профессиональных групп и возрастание роли самоорганизационных процессов. Однако процессы "раскрепощения" личности, ее самоосуществления, смены форм занятости протекают среди ИТР оборонного комплекса медленно и с большими издержками. По-прежнему преобладает тип "зависимого" работника, доля "независимых" работников растет очень медленно. Это означает, что процесс вживания в рыночную жизнь инженеров конверсируемых предприятий, как и большинства населения России, будет более длительным и болезненным, чем первоначально представлялось реформаторам, поскольку это связано с мучительной ломкой устоявшихся стереотипов мышления и поведения.

Несмотря на тяжелое материальное положение, падение престижа "интеллигентских" профессий, внедряемую в российское общество идеологию "личной выгоды", для российской интеллигенции еще сохраняют свою значимость высокие нравственные принципы, ориентация на знания и творческий характер труда. Лица, не имеющие высшего образования, больше ориентированы на материальные факторы.

Данная тенденция подтверждается ответами на многие вопросы, в частности, степенью согласия с суждением "В современных условиях перехода к рынку жить в согласии с нравственными принципами и убеждениями, с совестью - дело безнадежное, главное - зарабатывать деньги". Разделяют это мнение 28% лиц с высшим образованием и 36% не имеющих его. Категорически не согласны соответственно 56% и 37%.

Однако "высокие" нравственные ориентации интеллигенции вряд ли дают основания для оптимистических прогнозов, поскольку складывающаяся экономическая ситуация объективно будет заставлять интеллигенцию искать возможности зарабатывать "хорошие" деньги, поступаясь принципами и убеждениями. В этой связи уместно вспомнить Я. Щепаньского, который, исследуя в середине 50-х гг. польский рабочий класс и интеллигенцию, писал: "Всю энергию нынешнего интеллигента поглощает борьба за сносное существование, погоня за дополнительным заработком". Более чем скромное экономическое положение подавляющей массы интеллигенции не только не создает условий для ее духовного совершенствования и творческой самореализации, но воспринимается сознанием идущего на смену поколения как социальная несправедливость и может служить источником напряжения в будущем [19].

Интеллигенция довольно критично воспринимает свои взаимоотношения с властью. К примеру, половина опрошенных специалистов с высшим образованием считает, что между интеллигенцией и различными структурами государственной власти существует социальная напряженность, неприязненные отношения (среди лиц без высшего образования разделяют это мнение 34%).

Все очевиднее попытки власти, с одной стороны, нейтрализовать интеллигенцию, лишить ее возможности (и желания) выполнять присущую ей функцию, по выражению Д. Гранина, "нравственного, духовного бродила общества". С другой стороны, власть пытается различными способами канализировать в своих интересах способность и возможность интеллигенции, особенно художественной элиты, воздействовать на массовое сознание и общественное мнение россиян в нужном для власти направлении, что ей (власти) вполне удается. Это особенно ярко проявилось в период избирательной кампании по выборам Президента России летом 1996 г.

Отношения интеллигенции и власти остаются сложными, неоднозначными. Из истории мы знаем, что в этих отношениях четко обозначаются два полюса: от полного принятия властных структур до активной оппозиции к ним [см. подробнее 1]. Их носителями являются различные группы интеллигенции, которые никогда не были однородными. В настоящее же время дифференциация этой социальной группы по разным основаниям становится наиболее очевидной - богатые и бедные, творческие и косные, прогрессивно мыслящие и консерваторы, активно поддерживающие власть и не приемлющие никакого с ней сотрудничества, чтящие букву закона и исповедующие принцип "революционной целесообразности" и т.п. - все это мы наблюдаем в нынешней российской интеллигенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть М.: ИС АН СССР, 1991.
2. Мансуров В.А., Барбакова К.Г. Молодой интеллигент развитого социалистического общества. М.: Наука, 1981.
3. Маркевич В. Эволюция социально-профессиональной позиции интеллигенции в народной Польше. // Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976. С. 164.
4. Севастьянов А.Н. Двести лет из истории русской интеллигенции // Наука и жизнь. 1991. № 3; его же: Национал-капитализм. М., 1995.
5. Социальное развитие советской интеллигенции / Отв. ред. Р.Г. Яновский. М: Наука, 1986.
6. Грамши А. О литературе и искусстве. М., 1957. С. 25.
7. Семенова Л.А. Об интеллигенции в кризисном обществе // Интеллигенция в социальных процессах современного общества. М.; ИС РАН, 1992.
8. *Brain Drain*. A Study of Persistent Issue of Internation Mobility. Washington, 1974.
9. *Boulding K.E.* Science: our Common Heritage // Science, 1980, vol. 207, N 4433, pp. 832-833. - Цит. по: Социальные показатели в системе научно-технической политики. М., 1986.

10. Российская наука: оценка ситуации и проблемы. М.; ИС РосАН, 1993.
11. Мансуров В.А., Семенова Л.А. О материальном положении россиян//Мир России. 1996. N 3. С. 179-182.
12. Семенова Л.А. Инженерно-технические работники оборонного комплекса в условиях конверсии // Социологический журнал. 1997. N 1/2. С. 120-134.
13. Гордон Л. А. Четыре рода бедности в современной России //Социологический журнал. 1994. N 4.
14. Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. N 9.
15. Корель Л.В. Социология адаптации: этюды апологии. Новосибирск, 1997.
16. Шабанова М.А. Ценность и "цена" свободы в процессе социальной адаптации к рынку // Социологические исследования. 1995. N 4. С. 94.
17. Мостовая И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры: учебное пособие. М., 1996. С. 82-83.
18. Золотова И., Зуев М. Занятость и социальная политика с точки зрения руководителей предприятий ВПК // Человек и труд. 1997. N 5. С. 88.
19. Szczepanski J. Pracownicy umyslowi: proletariat, inteligencja czy klasa srednia? // Przegląd kulturalny. 1958. N 51-52. S. 8.